

фантастическая
история

Книги Александра Башибузука
в серии «Фантастическая История»

СТРАНА АРМАНЬЯК. БАСТАРД
СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬЕР
СТРАНА АРМАНЬЯК. ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА
СТРАНА АРМАНЬЯК. ФАВОРИТ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ГРАФ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ВЕЛИКИЙ ПОСЛАННИК

МОСКВА, 2021

фантастическая
история

Александр Башибузук

Страна Арманъяк.
Великий
посланник

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Серия основана в 2010 году
Выпуск 145

Башибузук А.

Б33 Страна Арманьяк. Великий посланник: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 281 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3189-2

Могущественный король Франции Людовик XI, прозванный Всемирным Пауком за свое коварство и подлость, повержен. Александр Лемешев, тренер по фехтованию, волей судьбы заброшенный в тело Жана д'Арманьяка, внебрачного сына графа Жана V д'Арманьяка, одного из последних феодальных властителей божьей милостью, возвращает свой законный титул и родовые земли. Казалось, можно успокоиться и почивать на лаврах, но неумная жажда приключений заставляет Жана опять отправиться в путь — он едет к великому князю Ивану III великим посланником от короля Наварры Франциска. Что ждет бастарда в загадочной Московии пятнадцатого века? Оказывается, мало добраться в заснеженную Москву, надо еще умудриться выжить в ней. Не все рады визиту великого посланника: могущественная Ганза пойдет на все, чтобы оставить за собой всю торговлю с Россией.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Башибузук, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3189-2

ПРОЛОГ

— Ваньша, Вань, глянь-ка... — Белобрысый мальчишка в домотканой рубашонке, подпрыгивая от нетерпения, дергал за рукав своего старшего товарища, замершего с острой в руке на берегу протоки.

— Отвянь, малявка... — Ваня не обращал никакого внимания на мальчонку, полностью поглощенный своим делом.

— Да глянь же... — все не унимался меньший, тыкая ручонкой в сторону моря.

— Ну чего тебе, егоза? — в сердцах выпалил парнишка, повернулся и замер, прикрывая от солнца глаза ладонью. А уже через мгновение ухватил своего младшего товарища за шиворот и бесцеремонно затащил его в кусты, где торопливо зашептал: — А ну, Егорка, лети ветром в обитель да скажи там, что мурмане пожаловали. Шибче давай. Шибче...

— Ага, скажу, мурмане, значица! — торопливо закивал Егорка и, преисполненный важностью поручения, мигом скрылся в зарослях жимолости.

Ванятка проводил его взглядом, потом осторожно раздвинул ветки и, затаив дыхание, уставился на четыре больших корабля, причаливших к берегу.

Каждый мальчишка в прибрежных поселках знал, что на таких ходят люди с мурманского берега, с которыми местные не всегда ладили.

Тем временем с одного из кораблей на берег сошли несколько человек. Один из них, худой жилистый мужик в

странном, напоминающем оладью, головном уборе на патлатой башке и с длинным узким мечом на перевязи, неторопливо огляделся, после чего упал на колени и размашисто, истово перекрестился.

— Латинянин! — ахнул Ванятка, развидев, что незнакомец крестится не по-православному. Мальчишка никогда в жизни не видел католиков, но в его воображении они выглядели наподобие чертей из ада, так как батюшка Пров любил страшать ребятню, рассказывая всякие ужасы о нечестивцах, крещенных по латинскому обряду.

Вслед за патлатым все его сопровождение опустилось на колени. Вперед вышел крепенький толстячок в серой рясе с капюшоном и стал рьяно размахивать руками, что-то завывая при этом.

Ванятка сообразил, что тот правит службу, и в ужасе несколько раз перекрестился:

— Свят, свят, свят, изыди, нечистый...

Со временем, немного успокоившись, мальчишка продолжил наблюдение и стал подмечать некоторую несообразность в облике гостей.

Часть команды стругов выглядела как мурмане — кряжистые, заросшие по самые глаза бородами суровые мужики в нормальной одежде, то есть в штанах, рубахах и сапожищах, а вот остальные довольно сильно отличались от них, в первую очередь одеждой и бритыми мордами. И еще — неслыханное дело! — Ванятка заметил среди гостей девуку. Статная, с толстенной русой косой до пояса, полная достоинства и властности, она выглядела настоящей боярыней. Что подтверждалось почтительным отношением к ней остальной ватаги.

— Вот же нехристи!.. — пробурчал мальчишка и совсем уже было решил подобраться поближе, но не успел — и взлетел в воздух, подхваченный за шиворот сильной рукой...

ГЛАВА 1

Признаюсь, я никогда не горел особым желанием оказаться в родных пенатах. Нет, в душе свербило, но не настолько, чтобы я бросил все и сорвался на Русь. Не ближний путь, в самом деле. И главное — зачем? Нас и в Европах неплохо кормят. Но с недавних пор все поменялось. Чертов Феб... Упомянул, царственная зараза, об экспедиции — и все. Как занозу в душу загнал. И вот... Не выдержала душа поэта. Кавалер разных орденов, граф Жан VI Арманьяк, пэр Англии, граф Албемарл, граф де Грааве, сеньор де Молен, барон ван Гуттен, наконец-то пожаловали домой.

Но вот незадача, ничего особенного я при этом не почувствовал. Думал, в душе полыхнет, на глаза слезы навернутся, ан нет. Аж обидно. Но посмотрим. Может, потом проймет.

— Сир!..

— Слушаю... — Я поднял голову и увидел двух своих дружинников, отправленных получасом ранее в секрет. Один из них держал за шиворот мальчонку лет двенадцатитринадцати. Белобрысого, босого, в драной замызганной рубашонке и таких же портках. Пацан шипел, словно дикая кошка, и все пытался пнуть ногой своих обидчиков.

— Вот... — Людвиг Тихая Нога, лучший разведчик в дружине, встряхнул мальчишку. — Нашли в кустах. Таился, следил за нами.

— Отпусти, — приказал я. — И марш на пост. Живо.

— Как прикажете, сир...

Парень шлепнулся тощим задом на гальку, стрельнул злыми глазенками по сторонам, подобрался, но, видимо сообразив, что сбежать не получится, нагло уставился на меня и зачастил скороговоркой:

— Нехристи, еретики!.. уже наши придут, отомстят вам!.. ничего не скажу, хоть убейте...

— Ты смотри, суший волчонок, — немедленно восхитился падре Эухенио. — Такой и укусить может.

— Скажи, что никто его не тронет, — бросил я Феодоре. — И спроси, как зовут.

Федька насмешливо прищурилась и шагнула к парнишке.

— Не бойсь, — ласково заговорила она на русском языке. — Не замаем тебя. Как кличут?..

Мальчик замолчал, удивленно вытаращил на нее глаза, но тут же справился с собой и заблажил во весь голос:

— Не искушай, еретичка!!! Не продам веры православной!..

— Интересно, что он говорит? — заинтересовался падре Эухенио.

— Могу лишь догадываться... — Я едва сдержал улыбку. — Скорее всего, обвиняет нас в ереси...

— Розог стервецу! — Вердикт монаха не отличался оригинальностью.

— Не спешите, падре. Местные не менее ревностны к своей религии, чем мы, добрые сыны матери нашей католической церкви. Поостереглись бы, не исключаяю, что вас уже держат на прицеле. К примеру, вон из тех кустов.

— Всегда готов... — нахмурился доминиканец и хлопнул себя ладонью по груди. Раздавшийся лязг засвидетельствовал, что монах не побрезговал поддеть под рысу кольчугу.

Тем временем в Феодоре разыгралась боярская кровь. Да и норовом девица под моим воспитанием изрядна вышла.

Раздался звонкий звук оплеухи. Федька ухватила пленника за ухо и грозно поинтересовалась:

— Чьих холоп будешь? Плетей отведашь? Ответствуй немедленно!

Гонора у парнишки сразу поубавилось.

— Не холопы, закупы мы монастырские... — торопливо зачастил он. — Ваняткой кличут меня. Больше ничего не скажу, хоть режь, хоть пали...

— Хватит! — вмешался я. — Михель, дай мне нож.

Латник из дружины немедля протянул мне свой засапожник.

— Держи. — Я подал его рукояткой вперед парнишке. — Твой теперь будет. Контесса, скажите ему, чтобы бежал домой и сообщил своим, что мы с миром пришли. Пусть встречают. И чтобы даже думать забыли недоброе замышлять.

— Больно чести много будет смерду, — своенравно пробурчала Феодора, но исправно перевела мои слова.

Ванятка изумленно уставился на подарок, не спеша брать его в руки.

— Бери, сказала! — Федька грозно сверкнула глазами. — Или розог захотел?

Парнишка опасливо покосился на девушку, цапнул ножик, мгновение помедлил, прыснул с места и, сверкая пятками, помчался по берегу.

Я проводил его взглядом и жестом подозвал к себе Логана. А точнее, барона ван Карстенса, баннерета графства Арманьяк, так теперь именуется Уильям. Думал оставить его дома, наместником в моих владениях, но тот наотрез отказался отпускать сюзерена одного в столь дальние ипеня. Уперся как осел, пришлось брать. Имеет право настоять, заработал верной службой.

— Сир... — Тук исполнил почти идеальный поклон. Получив баронство и штандарт баннерета, шотландец стал злоупотреблять манерами придворного этикета, особенно на людях, словно подчеркивая свою принадлежность к высшему сословию, но внутри так и остался тем самым монахом-расстригой, шалопаем, бузотером и отчаянным воякой, которого я подобрал в самом начале своей эпопеи в леску неподалеку от Лектура.

— Братец, я не исключаю, что местные попробуют нас взять с налета. Так что надо подготовиться. Всем вздеть брони. Арбалетчикам, аркебузирам и канонирам — по местам. Смотрящих — на клотики, а разведчиков отзови...

После инструктажа я опять задумался. Аборигены — те еще архаровцы. Возможность взять на копье залетных ни за что не пропустят. Да и кто в наши времена такой шанс упускать станет? Впрочем, так просто мы никому не дадимся.

Вассальных Фебу мурман из команды коггов у меня почти сотня. Суровые ребята, ничего не скажешь. Такие любой дружине честь окажут. Вооружены неплохо: добротные кольчуги, круглые щиты, шлемы норманского образца, прямые длинные мечи и короткие копья. С боевым опытом у них тоже все нормально. Пираты, не одну посудину выпотрошили.

Моих личных дружинников гораздо меньше, всего четыре десятка. Но каждый пятерых стоит. Сам отбирал, мало в Европе таких живорезов сыщется.

Да и орудия на коггах тоже немало стоят. Правда, корабли стоят носом к берегу, но по два курсовых фальконета на каждом работать смогут. В общем, должны справиться. Если, конечно, на нас целое войско не поперет. Что весьма сомнительно. Нет такого в этих краях и в помине. Да и откуда оно возьмется? Это уже позже, лет так через сто пятьдесят, заложат здесь град Архангельск, пойдет активная торговля, тогда и расцветет край, а пока захоlustье захоlustьем. Где-то неподалеку, на берегу Двины, стоит Николо-Карельский монастырь, а рядом с ним небольшой поселок Холмогоры — вот и все. А вокруг, почитай, сплошное безлюдье. Но ничего: если задуманное свершится, здесь в очень скором времени знатный торговый хаб появится. Хаб? Ух ты... даже современное словечко вспомнилось. А так я уже и забывать стал о своей прошлой жизни. Сросся душой и телом со Средневековьем. И немудрено.

— Батяня, — рядом нарисовалась Феодора, — похлебали бы вы горячего, а? Себастьянка знатной ушицы сварганил.

— Сейчас нет. Но пусть накрывают стол на верхней палубе «Матильды». И как ты меня назвала?

— Удочерили? — вопросом на вопрос ответила девушка. Да с вызовом, как будто собралась отстаивать свое до конца. — Значит, отец. И точка.

— Вот как всыплю, — проворчал я. — По отцовскому праву. Ужо много гонору взяла.

— Как прикажете, батюшка, — лукаво, со смешинкой в глазах, с показательной покорностью поклонилась Феодора. — Где изволите стегать? В ваши покои пойдём?

— Смотри у меня...

Это она так подтрунивает надо мной, стервозная девка. Да, удочерил, дабы легализовать окончательно и бесповоротно. Эфемерный титул контессы Сунбулофф, конечно, звучит авантажно и внушительно, но, по сути, за ним ничего нет, а теперь она моя законная наследница: титулов — хоть обвешайся. Кстати, Федька не пылала особой радостью, узнав, что я собираюсь взять ее на Русь. Оно и понятно. Дома она младшая дочка заурядного боярина, никаких перспектив, окромя разве что монастырской кельи. А в Европах едва ли не самая завидная невеста да первая красавица. Обхождение опять же не то, толпы кавалеров следом шастают, взгляды ловят, друг друга на поединках яростно изводят. А вообще, девку надо срочно замуж спихивать. В самый smak вошла, налилась как спелое яблочко, ткни пальцем — лопнет. Но пока с женихами не складывается. По ее вине: крутит носом, дурища. Неволить я ее не хочу, но долго так не может продолжаться, по нынешним понятиям уже на грани перестарка девица — семнадцатый год пошел. Так что вернемся — и промарширует под венец как миленькая. Есть у меня один кандидат на примете...

Я оторвался от размышлений, глянул на суету команды и опять задумался.

Так, о чем это я? Ага... Скажу сразу, нет уже такого руа франков, как Луи под номером одиннадцать. Отправил я его на тот свет собственной рукой, наконец выполнив свой обет. А вообще, история о том, как мы с Фебом нахлобучили Всемирного Паука, достойна отдельного повествования, поэтому на этом пока и ограничусь.

Хренов Луй уже успел к этому времени разбазарить все папенькины владения, но с этим недоразумением я справился очень быстро, железной рукой подавив в зародыше вспыхнувший было мятеж гасконского дворянства и собрав родовые земли воедино. После чего дико затосковал. Вроде бы — правь своей страной Арманьяк на здоровье, наслаждайся жизнью, ан нет, как переклинило, болезного.

Тут и вернулась идея навеститься на Родину.

В общем, построил я на верфях в Биаррице четыре двухмачтовых когга по мурманскому образцу, набрал команду и рванул на Русь.

— Завтрак подан, сир. — Себастьян, мой личный повар, почтительно растопырился в поклоне. Он из Прованса, настоящий профессор кухонных дел, блестяще воплощает в жизнь мое кулинарное новаторство, чистоплотен и в бою не бесполезен, фальчионом орудует — залюбуешься. За что и ценю, правда, порой за излишнюю манерность хочется его утопить.

— Передай остальным приглашение к столу. — Я встал и взбежал по сходням на когг.

Никогда не чурюсь переломить краюху хлеба со своими головорезами, правда, исключительно в полевых условиях, но сейчас буду завтракать только с ближниками. Ага, а вот и они.

Этого полноватого мужика с типичной итальянской мордой зовут Пьетро Фиораванти, он мой придворный механикус. Да-да, племянник того самого Аристотеля Фиораванти, который сейчас в поте лица строит Кремль Ивану Третьему, государю всея Руси. Ну что же, может, и свидится с родней.

Рядом с ним переминается с ноги на ногу косоглазый шуплый китаец, второй инженер. Он попал ко мне одновременно с ломбардцем. Оба оказались в руках берберских пиратов, потом по наследству достались моим рыбацкám из Гуттена. Та еще история. Кстати, Фен довольно неплохо знает русский язык, нахватался от пленных русичей. Но это его знание мы пока никому являть не будем.

Кто там дальше? Конечно же капитан моей дружины Отто фон Штирлиц. Не надо удивляться, именно так его и зовут. Сам охренел, когда узнал. В свое время этот громадный шваб с изуродованной мордой лишился рыцарского сана из-за финансовой нужды. У дойчей с этим свои заморочки: не подтвердил свою состоятельность — давай, до свиданья. Так вот, он недолго горевал и подался на заработки в наемники, тоже обычное дело по нынешним временам. И прибился ко мне со своими куливринерами около Нанси. С тех пор служит, как цепной пес: верой и правдой. А в битве при Гинегате, во время атаки города Теруана, фактически спас меня, где и получил булавой, став похожим на бульдога. За что и был приближен.

Следующий — мэтр Пелегрини. Артиллерист от бога, старый соратник, еще со времен моего наемничества. Эх, как сейчас помню... Славные были времена. Уже старик, но еще крепок, держится. Взял я его с собой не зря, есть задумка одна. Но об этом позже.

Пятый — Рагнар Рыжий Торвальдсен — собственно капитан нашей экспедиции. Рыжий, как огонь, коренастый и кряжистый, как дуб, здоровяк. Из вассальных Фебусу мурман. Авторитетом у своих пользуется безоговорочным, моряк, каких еще поискать надо.

О Логане уже упоминал, а вот этот тучный гигант в рясе монаха-доминиканца — наш капеллан. Старый знакомый, служил в свое время в моей кампании арбалетчиком, а потом принял постриг. Да, так бывает. Добрый служака был, да и сейчас не изменился. Хитрый, как змей, прижимистый, как шотландец, но умен, ничего не скажешь. И очень

полезен. Пару лет назад наши пути опять пересеклись, и я забрал его к себе, так как место походного священника оказалось вакантным. Признаюсь, долго раздумывал, брать с собой падре Эухенио или не брать, все-таки он верный сын матери нашей католической церкви, а значит, ее глаза и уши, к тому же неизвестно, как православные священники отнесутся к католическому пастырю, но потом решил рискнуть. Негоже народ оставлять без духовного окормления в походе, опять же, ежели заподозрю в чем, просто вернусь без падре. Не я такой, а жизнь такая.

Планировал взять с собой Самуила, но потом передумал. Хрен его знает, как на Руси к евреям относятся, а медикуса хрен перепутаешь, рожа самая иудейская. Поэтому поехал Август Рихтер, его лучший ученик.

Из оруженосцев со мной только Луиджи. Его брат, к сожалению, так и не оправился после того, как получил арбалетный болт в спину от стражников инквизиции. Точнее, стал непригоден к строевой. Поэтому остался дома.

Есть еще людишки из числа специалистов в разном ремесленном деле, но они в круг ближников не входят, так что будут харчеваться с командой.

Я не спеша устроился в своем кресле и бросил:

— Чего мнетесь? Особое приглашение надо?

Не понадобилось, соратники дружно ринулись за стол. Быстро пробормотали молитву и забрякали приборами. Падре Эухенио зашарил взглядом по сервированным блюдам, тоскливо вздохнул, но промолчал и принялся уныло хлестать уху.

Я про себя улыбнулся и кивнул Себастьяну. Кок тут же мотнулся на камбуз и поставил перед монахом тарелку с доброй горкой тушеного мяса. Великим любителем оказался наш падре до тушенки. Только бы ею и питался. Прямо настоящий маньяк.

Да-да, не удивляйтесь. Есть у нас на борту самая настоящая тушенка. Свиная и говяжья. В жестяных банках весом примерно по одному мару. То есть где-то по четыре с поло-

виной килограмма каждая. Откуда взялась? Я заново изобрел, от нечего делать. Автоклав кузнецы соорудили за неделю, не бог весть какая задача оказалась. С металлом для банок — гораздо сложнее, пришлось строить пресс на водном приводе, а потом доклепывать и лудить оловом каждый лист вручную, но в итоге все-таки справились. Жесть получилась толстая, хотя и пригодная для задумки. Потом я долго экспериментировал с рецептурой и конце концов добился почти такого же вкуса, как у знаменитой советской тушенки. Правда, ни о каком массовом производстве даже речи не может идти, так как затея обошлась просто в сумасшедшие деньги.

— Сир, — Тук ревниво стрельнул глазами на падре Эухенио, — ничего не пойму. Мы уже полдня стоим у берега — и никого. Мальчишка не в счет. У нас давно нарисовался бы какой-нибудь барон со своими людьми, с требованием мзды за стоянку.

Рагнар гулко кашлянул и посмотрел на меня. Я кивнул в ответ, давая разрешение говорить.

— Я сам в этих местах никогда не был, — начал мурман, — но знаю, что здесь можно несколько дней идти, но так никого и не встретить.

— Интересно. — Монах аккуратно вытер губы грязным платком. — Насколько велика эта страна?

— Вы даже представить себе не можете, насколько она велика. — Я усмехнулся. — На ее территории поместятся все страны Европы, и еще останется место.

— А как здесь относятся к матери нашей католической церкви? — задал очередной вопрос священник.

— Точно так же, как мать наша католическая церковь относится к другим ветвям христианства, падре Эухенио, — спокойно ответил я. — То есть нетерпимо. А посему рекомендую вам вести себя...

Но не договорил, потому что с клотика завопил один из наблюдателей:

— Наблюдаю сильный дым! Там, далеко...

— Что горит?

— Не ведаю, сир... — после недолгой паузы отозвался моряк. — Точно не видно...

— Сир, дозвоьте, я гляну, — с готовностью вызвался Луиджи.

— Держи. — Я протянул ему подзорную трубу.

— Я мигом! — на бегу бросил паж и ловко, как настоящая обезьяна, принялся взбираться по вантам.

— Может, лес? — предположил Фиораванти. — Тут его столько, что...

— Где-то в той стороне должны быть поселение и монастырь, — неуверенно высказался Рагнар.

Я задумался. Где находится Николо-Карельская обитель, я знаю весьма и весьма приблизительно. Фебус объяснил, что она расположена в устье Двины, а вот где точно, он и сам не знал. Так что, может, горит и монастырь, тем более что он, скорее всего, деревянный. И как раз этим и может объясняться довольно странное отсутствие местных.

— Сир! — завопил паж с клотика. — Несколько дымов, причем в одном месте, поэтому сливаются в один. Это не лес, точно! Не очень далеко, где-то с лигу, может, немного дальше!

— Этого еще не хватало... — буркнул я.

Если предположить, что горит монастырь или поселение при нем, то кто его поджег? Или самовозгорание? Франциск говорил, что норвеги в свое время спалили обитель, но это случилось несколько десятков лет назад. А если и сейчас его кто-то осаждают? В устье несколько рукавов, так что вполне могли супостаты проскочить мимо нас. Или вообще пешим порядком пришли. Ну и что делать? И как не помочь, своим-то, православным?.. В любом случае мы на судах, да с орудиями, будем в сравнительной безопасности. Если что, отобьемся. Не ждть же здесь до морковкина заговенья...

— Снимаемся, идем в реку. «Матильда» пойдет головной, живо, живо...

Никаких вопросов не последовало. И не могло последовать. Поступил приказ сниматься с места — значит, так надо. Все свято верят в своего господина. То есть в меня.

Лагерь в мгновение ока ликвидировали, когги столкнули в воду, ударили весла по воде — и очень скоро, пользуясь приливом, мы зашли в один из рукавов устья Двины.

— Арбалетчики — по местам, канониры — товсь, наблюдатели — смотрим во все глаза за берегами. Тук, проследи. Отто, готовь своих. Дамуазо Луиджи, за мной... — Отдав все команды, я пошел к себе в каюту облачаться в доспех.

В том, что предстоит стычка, уже даже не сомневался. В сердце колотится тревожное и одновременно восторженное предчувствие, во рту появился едва заметный солоноватый привкус, так похожий на вкус крови, — все признаки налицо; за последний десяток лет в Средневековье у меня выработалось безошибочное чутье на драку. Ну что же, не первая и, дай бог, не последняя. Этим и живу. Знаете, я долго думал — чем же мне пришлось по душе это время? Нашлось много причин, но одна из них, не исключая, что даже главная, — это возможность схлестнуться в рубке не на жизнь, а на смерть. Когда твоя жизнь балансирует на кончике твоего же меча, когда ты сам можешь забрать чужую, когда костлявая с косой так и пляшет вокруг...

Да, вот такой я урод и ничуть не тягочусь этим. Не знаю, приобретенное ли это качество, вместе с телом бастарда, либо я всегда был таким, но оно есть. А вообще, скорей всего, это обычная профессиональная деформация. Когда занимаешься только тем, что воюешь, поневоле полюбишь это дело.

В закутке Феодоры слышался едва слышный шепот и смешки. Ага, с Лизкой, своей служанкой, лясы точит.

— А ну яви себя мне, девица...

— Да, тятенька. — Федька появилась из-за загородки. — Чего изволите?

— Быстро обряжайся в броню.

— И зачем это? — Феодора досадливо поморщилась. — Она же тяжелая.

Опять кочевряжится, зараза. Ее дамские латы — легче легшего, на заказ в Толедо делали. Вот же стервь...

— Переживешь как-нибудь. Не хватало еще под шальную стрелу попасть.

— Как прикажете. — Девушка лукаво стрельнула на меня глазами. — Поможете, тятенька?

— Лизетта обрядит. И носу из каюты не кажите. Все, скройся с глаз моих долой.

— Фи, как грубо. — Феодора фыркнула и убралась к себе.

Решив при случае поколотить девчонку, я бросил взгляд на подставки с броней. Что у меня тут? Этот готический комплект мне подарил герцог Карл, после битвы при Нейсе. Он уже не раз побывал на ремонте, но на диво добротен сработан мастерами из города Зуля. Я с собой взял еще один такого типа, подарок герцога Максимилиана, но он парадный, под стать королям, так что пока поберегу его на особый случай. Есть еще юшман, тоже презент, но уже от сарацинского купца Аль-Хоттаби, моего старого приятеля и компаньона. Пожалуй, остановлюсь все-таки на нем. Защищает ненамного хуже, чем сплошные латы, но весит меньше. Опять же месту приличествует: если не ошибаюсь, русичи как раз такие пользуют. Из оружия... ну да, вот этот тальвар. Он достался мне много лет назад из рук барона Робера де Бальзамона, когда я гостил в Фуа, у Мадлен, сестры самого Луя Паука. В наше время срок жизни боевых клинков очень недолог, но индийская сабля почти не пострадала, так что послужит еще. В пару к ней возьму клевец и длинный кинжал — мизерикордию. Еще пистолы — пожалуй, и хватит.

— Луиджи, приступай...

Едва паж успел застегнуть на мне пояс, как за дверью заблажил посыльный:

— Сир, его милость барон ван Карстенс просит вас подняться на мостик! Там трупы по реке плывут...

ГЛАВА 2

— Иду. — Чертыхнувшись про себя, я перекинул круглый щит за спину и вышел на палубу. Вот же зараза... значит, чутье меня не подвело.

— Здесь, ваше сиятельство, — капитан Рагнар махнул мне рукой. — Ребята его багром поймали.

Утопленником оказался длинный светловолосый мужик в домотканой рубахе до колен и широких портах, почти до глаз заросший русой кудрявой бородой. Но, как ни странно, стриженной. На худом лице застыло странное благостное выражение, словно смерть принесла ему облегчение. В руке мужик все еще сжимал обломанное древко какого-то импровизированного оружия, а в его груди торчали две стрелы с белым оперением.

— Свежий. Может, с час назад убили. Морской люд напал, — пояснил капитан. — Перья чайки на стрелах.

— Ваши? — Честно сказать, этот момент меня немного беспокоил. Понятно, мурмане Феба уже не одно поколение оторваны от своих, но кровь не водица, один черт знает, как могут отреагировать.

— Наши — в Биаррице, — твердо отчеканил Рагнар. — Мои люди убьют любого, на кого вы укажете. Кто бы это ни был.

— Не сомневаюсь в вас, капитан. Идем дальше.

— Еще трупы! — заголосил наблюдатель. — Впереди и по правому борту...

— Ходу не снижать, — хмуро бросил я и взошел на мостик.

Настроение у меня резко посмурнело. Сойдя на берег, я никоим образом не почувствовал, что нахожусь на Родине, но мертвые русичи вызвали неожиданную дикую злобу. Кто бы это ни сделал — он умрет. Все они умрут.

Погода резко стала портиться. Все небо быстро затянули свинцовые тучи. Сквозь них все еще пробивались лучи солнца, расцветивая серо-зеленую воду Двины серебряны-

ми пятнами, но таких становилось все меньше и меньше. Берега реки покрывал густой лес, никаких признаков поселений по-прежнему не было видно.

— Дьявол и преисподняя! — пробормотал я в ярости. — Где этот чертов монастырь?

Стоявший рядом со мной падре Эухенио неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал.

Неожиданно порыв ветра принес отвратительный запах гари. И почти сразу заорал наблюдатель с мачты:

— Вижу дымы, совсем близко, там за мысом, по левому борту!!!

Через несколько минут когг выскочил в основное русло реки. Слева на берегу раскинулось обширное поселение. Вернее, его обгорелые остатки, обильно чадающие дымом. Возле поселка, к причалу и прямо к берегу были пришвартованы шесть больших одномачтовых стругов, очень напоминавших своим видом драккары.

Чуть выше, на высоком холме, стояла довольно внушительная крепостца, обнесенная деревянной стеной, сложенной из толстенных бревен. Судя по высокой звоннице внутри — это и был Николо-Карельский монастырь. На подходах к нему суетились какие-то люди, что очень напоминало подготовку к приступу.

Я вскинул подзорную трубу.

Ну да, лестницы и навесы ладят, точно штурмовать собрались. Так, коттдарме на них нет; шапели, еще шапели, но какой-то странной модификации... ага, вот и барбюты; из доспехов — корацины, кое у кого — латная защита ног и рук, мечи, топоры, копыя и гизармы — вид более-менее современный. Хотя нет, все-таки кое-где просматриваются древние норманнские шлемы с полуличинами и длинные кольчуги. Викинги, мать вашу ети... Точно мурмане. Впрочем, термин «мурмане» очень расплывчатый, он означает «житель Мурманского берега», то есть побережья Баренцева моря, если по-современному. Так что это могут быть как норвеги, так и даны. Или даже шведы. Тем более у них сей-

час вроде как одно государство и один общий король. У норвегов с данами — точно. Да и хрен на них. Мне без разницы, кого резать. Ну-ну, трудитесь-трудитесь, не отвлекайтесь. Обитель все равно взять не успеете, а чуть погода вам будет уже не до этого.

На стенах изредка вспыхивали огоньки, ветер сносил хорошо заметные клубки дыма. Очевидно, защитники палили из пищалей или ручниц, что меня довольно сильно озадачило. Откуда в этой глухомани огнестрел?

— Шесть драккаров — это около четырехсот копий! — быстро прокомментировал Рагнар. — Может, даже больше.

— Стены невысокие, да еще деревянные, так что, — Логан скептически скривился, — их вполне хватит, чтобы взять эту креп... это укрепление. Хотя, если там защитников хотя бы вполтину от нападающих может, и нет. Так что́ будем делать, ваше сиятельство? Встрянем?

— Обязательно, братец. — Я хлопнул скотта по плечу. — Обязательно встрянем. Для начала захватим их корыта. Торвальд, передай на остальные когги команду: «Делай как я». Отто, готовь людей к высадке...

Инструктаж много времени не занял. План не сложный, но если все получится как задумано, пришлые обречены.

— Хей, хей!!! — дружно загикали гребцы; когг, режа носом черную воду, стремительно полетел по реке. Остальные суда как привязанные шли за нами.

Со скрипом поднялись фальшборта, за ними, громко топая сапогами, стали группироваться дружинники. Все как всегда, слаженно и спокойно, дело привычное, не одно корыто на копье взяли.

На драккарах наконец нас заметили. Несколько человек рванули по сходням на берег к своим.

— Таба-а-ань!!! — надсаживаясь, заорал Рагнар.

В воздух взметнулись кошки, еще мгновение — и «Матильду» притянули к драккарам. С грохотом упали абордажные мостики. Ревя, как раненые медведи, вперед ринулись штурмовые партии. Никакого сопротивления они не

встретили — почти все пришлые отправились брать монастырь, а нескольких оставшихся в мгновение ока изрубили.

Нас обогнал второй когг и ювелирно точно пришвартовался к своему месту. Третий — тоже идеально выполнил свой маневр. Ими командуют сыновья Рагнара, Сигурд и Олаф; красавцы, ничего не скажешь.

Четвертый десантировал личный состав и вместе с третьим отошел от берега, заняв позицию чуть поодаль на воде. Его задача поддерживать нас артиллерийским огнем.

Так... наших получается где-то по тридцать человек на драккар. И нормально — не будут мешать друг к другу. Лодки стоят носом к берегу, до половины в воде, так что оборонять придется только носовую часть.

Ну что же, можно сказать, что первый этап мы выполнили. Что дальше? Дальше все просто. Пришлые плюнут на монастырь и ринутся отбивать свои посудины. Иного выхода у них нет. И как пить дать обломают себе зубы. Штурмовать им будет ой как неудобно. Борта высокие, сходни мы уже убрали, так что, особенно учитывая нашу артиллерию, весь перевес в живой силе сразу сойдет на нет. А если защитники монастыря сделают вылазку, дело можно считать сделанным. Правда, на это я особенно не рассчитываю. Точнее, совсем не рассчитываю. Да и хрен бы с ними, сами справимся.

— Отче, никак грех на душу взять собрались? — Я дружески хлопнул падре Эухенио по плечу.

Священник деловито собирал свой шнеппер и явно готовился принять участие в веселье.

— Отнюдь, сын мой... — Священник ослабился и показал свинцовую пульку размером с грецкий орех.

Ну да, религиозная казуистика в действии. Церковникам нельзя проливать кровь, а вот так, ошарашить по башке чем-то сравнительно мягким и тупым, получается, вполне возможно. А тот факт, что эта башка в результате сего воздействия может треснуть как арбуз, уже никого не колышет. Феб рассказывал, что его точно так же святоши пытались

угробить по приказу Паука. Ну да ладно, мне-то какое дело, пусть его, какое-никакое развлечение для святого отца.

Расставив людей по местам, я опять взялся за подзорную трубу. Чего-то пришлые тормозят, уже давно пора взяться за дело. Времени у них особенно и нет. Ага, наконец зашевелились.

Мурмане начали откатываться от монастыря и собираться в ватагу за поселком. А чуть в стороне, на холме, я углядел небольшую группу воинов, судя по всему, командный состав супостатов.

— Небось гадаете, кто это такой борзый осмелился, — хмыкнул я. — Не занимайтесь ерундой, все равно не угадаете. Лучше атакуйте.

С последним моим словом среди руин замелькали пришлые, быстро строящиеся во что-то наподобие терции.

— Четыре сотни как минимум, — равнодушно сообщил Логан, невозмутимо полируя кусочком замши свой меч.

— А нас — рать.

— Ваше сиятельство?.. — вытаращил глаза Скотт.

Несмотря на то что я частенько употребляю русские выражения, братец Тук никак не может к этому привыкнуть и каждый раз искренне удивляется.

— Плевать, говорю, — пояснил я и тут же проорал, обращаясь к дружинникам: — А ну укрывись! Сейчас обстрел начнется.

На остальных драккарах исправно продублировали команду. Впрочем, в ней особой нужды не было — все надежно укрывись за павезами, и так понимают, с чего начнется бой.

Об борта и щиты защелкали стрелы. Из луков стреляли жиденькие группы легковооруженных воинов впереди строя мурман. Никакого вреда кроме беспокойства они нам не нанесли, причем, кого-то на соседнем драккаре все-таки зацепило. И нехрен орать, сам виноват, дубина стоеросовая.

Гулко затрубил рог, строй качнулся, с каждым шагом ускоряясь, двинулся вперед, дружно взревел и перешел на бег.

Так... где-то с полсотни метров. Пора!

— Давай...

Луиджи вздернул вверх и замахал древком с моим личным вымпелом.

Тут же затренькали арбалеты стрелков, в свою очередь, заглушенные хлопками аркебуз. А потом позади нас рявкнули фальконеты на коггах...

Когда ветерок снес дым, стало ясно, что как минимум треть пришлых отправились в Вальхаллу или готовятся вот-вот туда отбыть.

Свинцовые жеребья из двадцати орудий выкосили практически весь центр мурманского строя, а арбалетчики с аркебузирами здорово проредили остальных, но, черт побери, это их не остановило. Мухоморов обожрались, что ли? Хотя определенный резон в такой тактике есть. Если отступят, то во время следующей атаки опять попадут под картечь, а так орудия не успеют перезарядиться.

Сука, хорошо идут...

Когда я первый раз увидел такую картинку, признаюсь, едва не навалил в шоссы с перепуга. Правда, тогда, при Нейсе, нас атаковали не несколько сотен, а несколько тысяч германских кнехтов. Но ничего, со временем пообвыкся. Хотя до сих пор сердце екает. Еще бы, оскаленные в дикой ненависти рожи, с каждой секундой нарастает гул и топот — зрелище, млять, эпическое.

Последний залп мои стрелки сделали почти в упор. Сделали и ушли на корму для перезарядки. Не добегая нескольких шагов, мурмане метнули копья и сулицы, а потом полезли на корабли.

Дальше началась банальная резня. Пришлых сшибали с бортов целыми гроздьями, но они все перли и перли.

Рев, дикие проклятия, хрипы умирающих людей, звон оружия, одуряющий смрад крови и внутренностей — берег стал напоминать настоящий филиал ада.

Основной удар приняли два центральных драккара, которые обороняли мои дружинники. Первый ряд работал

мечами и топорами, из-за их спин пришлых мурман доставали алебардами и копьями. На несколько минут наступило шаткое равновесие, наконец аркебузиры разрядились во второй раз, навал стал ослабевать, но тут в атаку пошел еще один отряд. Впереди него неся косматый как медведь гигант в шкурах на голом теле и со здоровенным молотом в руках, а за ним с десятков воинов размерами поменьше, но, судя по богатой экипировке, из числа предводителей нападавших.

В здоровяка не мешкая всадили пару болтов, но он только завыл и, не снижая хода, взлетел на драккар по образовавшейся у борта горе трупов. Братья-фламандцы Ханс и Петер Вюльверты, дружно хекнув, насадили его на копья, а бургундец Жан Пулен, по прозвищу Нос, добавил алебардой. Этого хватило, с такими ранами не живут, но великан, перед тем как сдохнуть, все-таки успел махнуть своим молотом и раскидал дружинников. В брешь тут же ринулись мурмане.

Первого, седобородого и широкого как шкаф старика с секирой в руках, я свалил из пистолей, Логан снес еще одного, подрубив тому ноги, но из-за его спины вывернулся высокий стройный воин и с пронзительным визгом закрутился словно волчок, работая одноручными топорами в обеих руках.

Умело разбросав дружинников по сторонам и ошарашив скотта по забралу, он выскочил прямо на меня, но поскользнулся на мокрой от крови палубе и упал на колени.

Я не стал играть в благородство — опрокинул его навзничь ударом колена, добавил саблей по башке и с разгона врубился в свалку.

Мы их таки сбросили с драккара, а потом для супостата наступил отдельно взятый локальный армагеддец. В ход пошли ручные гранаты. Ничего особенного, обычный глиняный шар с порохом, армированный железными полосками. Много шума и дыма, довольно посредственный урон; правда, взрываются они весьма эффектно. Их у нас очень мало,

прохлопал я ушами при сборах, поэтому приказывал прибе-
речь на крайний момент, вот аркебузиры и решили, что он
настал. А один из них, найду кто — от души награжу стерве-
ца, вдобавок закинул за борт десятифунтовый бочонок по-
роха с заткнутым в горловину коротким фитилем.

Садануло, конечно, порядочно. Попалило и оглушило
не только вражин, но и многих своих. Это оказалось по-
следней каплей — пришлые дрогнули и побежали. И конеч-
но же попали на отходе под картечь с коггов — мэтр Пелег-
рини, как всегда, сработал виртуозно.

Таким моментом грех не воспользоваться.

— Какого хрена стоим, желудки! Вперед, вперед, мать
вашу за ногу!!! — проревел я и первым спрыгнул с драккара.

Дальнейший ход событий оказался очень спрогнозиро-
ванным. Деморализованный противник — всегда легкая до-
быча. Враг силен своей сплоченностью, без нее, даже при
личном героизме отдельных персонажей, все быстро пре-
вращается в побоище. Бегущих мурман рассекли на груп-
пы, частью изрубили, а частью взяли в плен. Около полу-
сотни все-таки ушли в лес, но я приказал их не преследо-
вать — это уже не моя проблема.

Вот что за жизнь, я спрашиваю? Думал, березками по-
любуюсь, родным воздухом подышу, с бабами русскими хо-
роводы повожу, а оно вон как обернулось. Ну и пусть, все-
таки в первый раз за все это время настоящую Родину за-
щищал.

Полная виктория; однако победа далась нам дорогой це-
ной. Мурмане потеряли убитыми двадцать два бойца, еще
пятеро совсем плохие, вряд ли до утра доживут. Почитай,
треть выбыла из строя. Моих дружинников легло десять че-
ловек, к счастью, обошлось без тяжелых, а легкораненых —
почитай, каждый. В том числе и я. Какая-то сука в свалке
саданула по плечу, доспех не пробил, но хожу перекошен-
ный, словно Квазимодо.

Пришлых пало гораздо больше — почти двести человек.
Еще пятьдесят, как увечных, так и здоровых, взяли в полон.

Безнадежных добили: падре Эухенио прочитал короткую молитву, короткий укол кинжалом в шейную артерию — и все. Зачем людям мучиться — все равно шансов нет. Суровая проза нашего времени.

До нашего прибытия пришлые успели взять неплохой хабар. Уж не знаю, откуда здесь столько всего взялось, может, налог какой собирали для царя-батюшки или купеческий товар достался, но один из драккаров оказался почти доверху забит пушниной, зубом морского зверя, бочками с медом, воском и разной другой мелочью. Во втором — домашняя скотина: овцы, свиньи, несколько коров и пернатых целый курятник, а в третьем — сидели полонянки, общим числом двадцать три девицы, разной степени пригожести и разного возраста. От совсем молоденьких девчушек до вполне взрослых баб. Эдакие чумазые и растрепанные фемины с зарезанными глазами. В сарафанах, рубашках и вообще без ничего — видать, некоторых уже употребили по назначению. И что характерно, половина из них не совсем славянской наружности. Чернявые, скуластые, глаза с легкой раскосинкой; скорее всего, помесь с местными народами.

Рагнар аж зубами скрипнул при виде такого количества бесхозного товара. Для него бабы — самая желанная добыча. Согласно каким-то древним законам, мурманам в Биаррице запрещено брать в жены местных женщин, а где других-то возьмешь? Вот и перебиваются бедолаги как могут: покупают по случаю, воруют на стороне и так далее. У Рыжего в дружине бо́льшая часть личного состава неженатая, просто не на ком.

— Ваше сиятельство, — капитан изобразил на морде просительное выражение, — а если...

— Нет.

— Но... — Рагнар набылся. — Мои люди умирали...

Пришлось поставить на место осмелевшего мурманина.

— Твои люди умирали, выполняя вассальную клятву своему сюзерену, королю Франциску. Или я в чем-то заблуждаюсь?

— Нет, ваше сиятельство, — капитан потупился, — не заблуждайтесь.

— Но, так уж и быть, помогу тебе с решением этого вопроса, — слегка смягчился я. — Обещаю.

На этом вопрос исчерпал себя. И помогу, правда, пока не знаю как. Если что, приобрету у купцов-армян, они на Руси живым товаром промышляют. Не жалко — мурмане заслужили.

Все это время защитники монастыря никоим образом себя не проявили. Как сидели за стенами, так и сидят себе. Ну что же, правильное решение, сам бы так поступил. Мало ли кто заявился? Может, сами собирались лиходействовать, а соперников побили, чтобы себе дорогу к добыче открыть.

Вот как раз освобожденных полонянок и использую для дела: уже темнеет, посольство для объяснений отправлять поздно, они за него и сойдут. Авось сумеют объяснить, кто мы такие и зачем пришли.

— Фен...

Китаец во все глаза пялился на баб и на куске пергамента что-то зарисовывал угольком. Порой завидую ему. Не от мира сего человек. Хотя нет, не так. Не от сего времени он.

— Фен!

— Да, да, сир... — Механикус заполошно вскочил и спрятал зарисовки за спину.

— Слушай задачу. Найди среди них самую толковую бабу и объясни ей, кто мы и зачем пришли. Скажи — если местные не появятся поутру засвидетельствовать свое почтение, я обижусь и *nastuchi* на них царю. И проверь, чтобы запомнила. После чего отправляй всех женщин в монастырь. Выполнять. Трупы обыскать, все ценное с поля боя собрать. Пленных допросить на предмет состоятельности для выкупа и в драккар под охрану. Барон Карстенс, вы этим займитесь. Ночевать будем на воде, станем на ночь на якоря. Драккары с хабаром тоже оттяните за собой, а пустые пусть на берегу остаются. Забейте пару свиней с баранами и откройте бочки с пивом. Поминать павших будем.

Отто, выдай дружинникам премию, из расчета по два флорина на рыло. Командному составу насчитай исходя из должности. Монеты возьми у моего секретаря, скажи — я приказал.

— Он опять кочевряжиться начнет... — пробурчал шваб, — требовать вашего письменного распоряжения.

— Пригрози, что отрежешь ему ухо, — посоветовал я, внутренне улыбнувшись. Мой личный секретарь и походный казначей Уго Грубер еще тот скряга и зануда. Точная копия своего учителя, моего же главного аудитора Хорста Дьюля.

— Резать? А можно? — с надеждой переспросил Отто.

— Нет, просто пригрози. И хватит с этим, дамуазо Луиджи, горячей воды в мою каюту и легкий ужин. Передай повару, если он опять подаст рыбу, самого на вертел насажу. Чего застыли? Бегом!

Отдав все распоряжения, я отправился к себе. Что-то я притомился. Старею, что ли? Рановато будет, едва за третий десяток перевалило. Хотя да, день сегодня выдался тяжеловатый. Надо будет приказать отразить эту славную викторию в своей личной хронике. Так, сначала приму родового напитка бокальчик, а потом мыться. Война — очень грязное дело. В прямом и переносном смысле. Эвона как изгваздался кровищей.

— Примите, батюшка, с устатку. С победой вас. — В каюте меня встретила Феодора и с поклоном поднесла рюмку. — Небось устали в ратных трудах.

Федька до сих пор не сняла латы и смотрелась с подносом в руках слегка чудновато. Но донельзя эффектно. Изящный готический доспех с серебряной гравировкой, эспада и кинжал на поясе из червлёных причудливых бляшек, русая толстенная коса переброшена на грудь, огромные глаза с пушистыми ресницами, алые губы, румянец как огонь горит — Валькирия, да и только. Но лишь лайт-версия для фэнтезийных фильмов. Воительница из нее — как из меня проповедник. Полностью не способная к ратным

делам девица. И не горит желанием таковой стать. Но не в этом ее достоинство. Она вельми изрядна в уме и хитрости. Безжалостная хитроумная стерва, иначе и не назовешь. Дамы высшего света ее как огня боятся и за честь почитают на свою сторону привлечь. Шутка ли, Феодору считают личной советницей и подругой не только вдовствующая герцогиня Мергерит и дюшеса Бретонская, но и некоторые супруги царственных особ Европы. И это в ее неполных восемнадцать лет. А еще у нее есть удивительный талант про всех и вся знать. Где бы Феодора ни оказалась, все сплетни, в том числе очень ценная информация, сразу оказываются в ее распоряжении. Думаю, и при дворе царя всея Руси этот талант окажется мне очень полезным.

— Уважила... — Я с отяжкой пропустил рюмку и занял ломтиком сыра. Умница девка. Ничего не скажешь. — Отужинаешь со мной?

— Нет, батюшка, мы там с Лизкой читаем, у себя и поедим... — Феодора чмокнула меня в щеку и убралась к себе.

Пока повар сервировал ужин, Луиджи помог снять доспех. Едва я успел умыться и облачиться в халат, как появился Логан.

Надо сказать, что по дурацкому стечению обстоятельств почти все подарки судьбы в ратных делах ему достаются по морде. Уже на настоящего Франкенштейна стал похож, вся физия порубана и сшита. Вот и сейчас: нос что картошка, а под глазами наливаются два черных шикарных фингала. Славно ему засадил тот мурманин. Хорошо хоть не убил. Жалко будет, за брата почитаю этого головореза.

— Присаживайся, братец, отужинаем чем бог послал... — Я подвинул ему бокал с вином.

Тук махом вылил его в себя, зажевал ветчиной и прошамкал:

— Там эта... как ее... гревинда Инге, очень желает с вами пообщаться, сир...

ГЛАВА 3

— Кто? — Я чуть не уронил бокал.

Гревинда Инге? Что за на хрен? Стоп! Гревинда — это графиня у скандинавов. Помнится, Карлуша жаждал связать меня узами брака с некой датской графиней. К счастью, не сложилось. Но откуда здесь таковая взялась? Уже успел нажраться, шотландская сволочь?

— Ну тот... — Уильям осторожно потрогал свой распухший нос, — тот, что меня топором охреначил. Вы его только оглушили, а когда ратники стали доспех сдирать, оказался бабой. Этой самой гревиндой. Злющая, зараза, грозитя, драться кидается. Вас хочет: мол, есть важный разговор к главному, и все тут. Небось выкуп предлагать будет, боится, что чести девичьей лишат! — Скотт жизнерадостно заржал. — А я бы вдул, ничего такая гревинда.

— А тащи ее сюда немедленно. — Мне вдруг очень захотелось увидеть пленницу. Нет, дамы не чужды воинским искусствам в наше время, та же Мергерит владеет мечом прилично, но все это больше смахивает на театральщину, а эта — по-настоящему, даже в сечу ползть не побоялась. На что Тук боец лихой, но и ему досталось. Небось мужиковатое одоробло, со страшной мордой. Тем более что скандинавка.

Через несколько минут пленницу доставили в каюту. Ожидания оказались полностью обманутыми. Помнится, я сравнивал Феодору с валькирией, правда, с киношной, но эта оказалась самой настоящей, причем в хардкор-версии. Крепко сбитая, но стройная, отлично сложенная, высоченная по средневековым меркам, красивая, зараза, глаз не оторвать, эдакий канон нордической красоты. В голубых глазищах плещется холодная презрительность, мордашка надменная и русая коса присутствует, кабы не толще Федыкиной, правда, по длине слегка уступает. Доспех с нее содрали, губа разбита, на виске засохшая кровь, но это ничуть

не портит впечатления, даже подчеркивает его. Ух ты... вот это добыча! Интересно, сколько за нее отвалят?

Пленница что-то зло пробулькала на непонятном языке и тряхнула скованными цепью руками. И даже ногой топнула. Заметив, что мы не поняли, повторила еще раз на другом, более мудреном, а потом, страдальчески скривившись, перешла на немецкий, который я неплохо знаю.

— Прикажите снять с меня эти цепи. Я даю обещание не бежать и не причинять вам вреда. И наконец, сообщите — у кого я в плену?

Я встал и с легким поклоном представился:

— Граф божьей милостью, Жан Арманьяк Шестой, иные титулы опущу, ибо их неприлично много. Со мной барон Карстенс. С кем имею честь?

— Гревинда Инге Сигурдссон из рода Инголви, во мне течет кровь Харальда Прекрасноволосого, первого короля Норвегии, — небрежно ответствовала пленница. — Так это вы меня... — Она сделала красноречивый жест скованными руками.

— Именно. — Я галантно склонил голову и приказал латникам: — Снимите с нее кандалы. Ваша светлость, прошу вас разделиться со мной этот скромный ужин.

Ожидал некой строптивости, но пленница не чинясь села за стол, одним движением разорвала напополам куриную тушку, брякнула ее себе на тарелку и как бы невзначай поинтересовалась:

— Мои земли в Норвегии, а где ваши владения, граф? И насколько они большие?

— В Европе. Пожалуй, размером с вашу страну.

Воительница удовлетворенно кивнула и задала следующий вопрос:

— Вы тоже пришли сюда повеселиться и мы случайно спутали вам планы?

— Нет. — Я заметил, что во все глаза таращусь на норвежку, и незаметно отвел взгляд.

ГЛОССАРИЙ

адамант — бриллиант

аркебуза — гладкоствольное дульнозарядное фитильное ружье. Изобретено в 1379 г. в Германии. В XV в. аркебуза трансформировалась в ручное огнестрельное оружие. Калибр около 20 мм. Приклад изогнутый, при стрельбе брали под мышку

баклер — круглый кулачный щит 20—40 см в диаметре, чаще всего металлический. Мог оснащаться специальным острием, крепившимся по центру, которым вполне можно было атаковать

баннерет — в феодальную эпоху: рыцарь, имеющий право вести в бой группу людей (часто также рыцарей) под собственным знаменем с изображением его собственных геральдических символов

барбют (*англ.* barbute, *ит.* barbotto) — пехотный шлем, в значительной мере закрывающий лицо за счет развитых нащечников. В чем-то похож на древнегреческие шлемы

бармица — элемент шлема в виде кольчужной сетки (иногда вместо кольчуги использовался ламелляр или кольчато-пластинчатое полотно), обрамляющей шлем по нижнему краю. Закрывала шею, плечи, затылок и боковые стороны головы; в некоторых случаях — грудь и нижнюю часть лица

бармы — широкое оплечье или широкий воротник с нашитыми на него изображениями религиозного характера и

драгоценными камнями, надеваемый поверх парадного платья; часть парадной княжеской одежды, а к концу XV в. — великокняжеской, потом царская регалия. Древнерусский аналог византийского лора — детали парадного императорского облачения

бастард (оружие) — «полторный меч», «длинный меч»

болт — снаряд для арбалета. Обычно с древком короче и толще, чем у стрелы

брэ — средневековые мужские трусы. Конструкция аналогична современной мужской модели типа «семейных», но уже, длиннее и с подколенными завязками

выкресты (выкрест, выкрестка) — перешедшие в христианство из другой религии; чаще всего употребляется по отношению к крещеным евреям

гамбизон — набитый уплотняющим материалом и простеганный поддоспешник

горжет — часть средневековых доспехов, применялся для защиты шеи

горлатная шапка — меховой (мужской и женский) головной убор русской знати XV—XVII вв. В локоть высотой, расширяющийся кверху цилиндр с бархатным или парчовым верхом. Шапки горлатные обшивались лисьим, куньим или собольим мехом. Мех брался с горлышек, отчего и такое название

готический доспех — полный рыцарский доспех с сер. XV до нач. XVI в. Отличался большой гибкостью и свободой движений за счет некоторого снижения уровня защиты. Как правило, имел сильное гофрирование и рифление металлических пластин, позволяющее увеличить прочность и уменьшить вес лат

гревинда (от *дат.* grevinde) — графиня

дага — кинжал для левой руки длиной до 60 см с усиленной гардой. Гарды были в форме чаши, широкой пластины или дужек

дамаст (*дамá, камка, камчатка*) — ткань (обычно шелковая), одно- или двухлицевая с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения

дамуазо (*фр. damoiseau, от лат. domicellus*) — название сыновей феодальных сеньоров, пока они готовились в качестве пажей и оруженосцев к принятию рыцарского сана

дестриер, дестриэ, декстер — средневековая порода рыцарских боевых коней. Очень высокие мощные кони, достигающие около тонны веса и роста в холке 180—200 см, хотя особенно ценились выучкой, выносливостью и породой, а не большим ростом

диакон (разг. форма **дьякон**; *др.-греч.* — служитель) — лицо, проходящее церковное служение на первой, низшей степени священства. Ниже их по чину — иподиаконы

жеребья — рубленая свинцовая картечь. Подобной формы картечины при попадании оставляют страшные рваные раны

жильцы московские — жильцами называлось некоторое количество детей дворян, детей боярских, стряпчих и стольников, которые должны были всегда жить в Москве и быть готовы к службе и войне. Жильцы считались охранным войском, но использовались для различных поручений, например, развозить государевы грамоты

Ивановская купеческая сотня — новгородская средневековая купеческая гильдия

иерихонка — тип средневекового шлема. Состоит из железной или стальной тульи с остроконечным верхом, снабженной элементами для защиты ушей, плоским козырьком, скользящим наносником (узкая железная полоска, защищавшая лицо от поперечных ударов), нередко — пластинчатым назатыльником. Науши и назатыльник кре-

пились к тулье посредством кожаных ремней или резе — цепочек

кальвинизм — направление протестантизма, созданное французским теологом и проповедником Жаном Кальвином. Одним из отличий от других христианских конфессий является толкование Библии на основе только Библии. Любое место Библии толкуется кальвинистами не с позиций какого-либо человеческого авторитета (будь то папа Римский, православный священник, пастор, руководитель какой-то религиозной организации и т. п.), а исключительно с помощью авторитета Божьего — других мест Библии, как, по мнению кальвинистов, это делал Иисус Христос

клевец (от «клюв») — боевой молот, чаще короткодревковый, имеющий ударную часть в форме клюва, плоского, граненого или круглого в сечении, который может быть разной длины, обычно в разной степени изогнутым книзу. Обычно скомбинирован с молотком на обухе

когг — средневековое одномачтовое палубное парусное судно с высокими бортами и мощным корпусом, оснащенное прямым парусом площадью 150—200 м²

козырь — высокий парадный воротник, крепился к кафтану и другой верхней одежде

колесцовый замок — механическое приспособление на оружии, предназначенное для воспламенения пороховой затравки. В колесцовом замке искра возникает вследствие трения зубчатого колесика о пирит. Завод пружины, вращающей колесо, производится специальным ключом

корация — доспех XIII—XVII вв. из стальных пластин на кожаной или тканевой основе с перекрыванием пластинами краев друг друга

королевский олень — самец благородного оленя с рогами о десяти отростках

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА АРМАНЬЯК. ВЕЛИКИЙ ПОСЛАННИК. Фантастический роман	5
<i>Глоссарий</i>	272